
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

V.N. Gasilin, A.V. Ryazanov

**Values and Ideals
of the Forming Russian Society:
Philosophical and Methodological
Aspects**

The categories of values and ideals and their possible interpretations in the forming Russian society are analyzed. Difficulties of the study methodology are specified, and lines of further research of the transforming contemporary society values and ideals, are determined.

Key words and word-combinations: value, ideal, ethical categories, the Russian society.

Анализируются категории ценностей и идеалов и возможные их интерпретации в формирующемся российском обществе. Отмечаются сложности методологии изучения и определяются направления дальнейшего исследования ценностей и идеалов трансформирующегося современного общества.

Ключевые слова и словосочетания: ценность, идеал, этические категории, российское общество.

УДК 1:316
ББК 60.028

В.Н. Гасилин, А.В. Рязанов

**ЦЕННОСТИ И ИДЕАЛЫ
ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ФИЛОСОФСКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Для современного российского общества характерно динамично меняющееся соотношение индивидуальных и коллективных ценностей в различных стратах общества, а также разнонаправленность и противостояние групп социальных интересов. В связи с этим вопрос ценностей и идеалов, распространенных в обществе, выходит на первый план.

Ценность означает «в самом общем виде невербализуемые, “атомарные” составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности — в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект настоящего) и хранения своего “достояния” в тайниках сердца (аспект прошедшего), — которые конституируют ее внутренний мир как “уникально-субъективное бытие”» [1, с. 320—321]. В этом определении обращает на себя внимание

термин «невербализуемые» элементы личности, то есть их невозможно выразить с помощью слов. Это кажется странным, поскольку ценность является результатом оценки, а она осознается, вербализуется. В этом определении психологизируется и субъективизируется понятие ценности, хотя и подчеркивается такой важный аспект, как его связь со временем. Самым, видимо, простым определением ценности является следующее: *ценность* (здесь и далее курсив наш. — *Авт.*) — это значимость чего-либо (вещи, отношения, события, другого человека и т.д.) для субъекта. Тогда возникает вопрос о критерии (критериях?) ценности: на каком основании определяется значимость? Что значимо, что безразлично, а что вообще незначимо (в случае отрицательных ценностей)?

Представляется, что кроме «положительных» ценностей можно выделить и «отрицательные», которые не удовлетворяют какие-то потребности, а, напротив, являются вредными, опасными для его жизни и деятельности, грозят ему болезнью или смертью. Они также меняются, проходят эволюцию от прошлого через настоящее, и можно с определенной степенью вероятности прогнозировать их развитие в будущем. Многообразие ценностей как у отдельных личностей, так и у социальных групп просто необозримо и к тому же весьма подвижно. Они-то и составляют культуру личности, социальных групп, общества в целом в какой-то момент времени, а также определяют стимулы поведения и действия людей.

Отметим, что ценности социальной группы не могут совпадать полностью с ценностями личности, которые в эту группу входят. Как возможно определить ценности социальных групп? Прежде всего проведением опросов, измерение точности результатов которых достаточно проблематично. Именно поэтому перед исследователем всегда стоит задача исключения погрешностей в проводимом исследовании. Как можно определить систему ценностей конкретной личности? С помощью тех же методов исследования, значит, присутствует та же проблема. Можно предложить индивиду самому определить и ранжировать свою систему ценностей; в этом случае получим только субъективное представление о системе ценностей данной личности. А что «на самом деле»? Это остается неявным. Может быть, действительно следует признать ценность субъективной характеристикой, порождаемой личностью (а отсюда и социальной группой)? Полагаем, что такой ход мысли не является корректным. Особенно если принять во внимание то, что люди общаются. Коммуникация предполагает наличие некоей общности, иначе она не реализуется. Ключевым аспектом этой общности являются как раз ценности. Значит, все-таки общность ценностей в социальных группах существует; это очевидный факт, коммуникация в ином случае просто невозможна, она постоянно осуществляется и таким образом скрепляет сообщество.

Видимо, здесь и не следует стремиться к абсолютной ясности и точности, которые недостижимы, как, впрочем, и в области «точных» естественных наук. Этим следует «довольствоваться». В случае исследования ценностей и их системы социальных групп — массовым «опросом». Но он опять же даст результаты с некоторыми погрешностями, которые определяются, например,

отношением к личности проводящего исследования, его принадлежности к определенной социальной организации и т.п.

Одна из позиций состоит в том, что «ценность связана с понятием идеала; более того, она является результатом реализации идеала. Таким образом, в основе системы ценностей, составляющих данную культуру, лежит “идеал”». «Идеал есть соответствие знания субъекту, ибо он дает нам картину мира не таким, каков он есть, а таким, каким он *должен быть согласно нашему желанию*» [2, с. 16–18]. Идеал — это высшая степень ценного или наилучшее, завершённое состояние какого-либо явления. Идеал в этом отношении родствен по своему содержанию понятию идеального объекта. Последний образуется на основе реального (как правило, материального) объекта. Так, наблюдая некое тело, материальный объект, обладающий определенными параметрами, мы мысленно устремляем его размеры к нулю и получаем идеальный объект — материальную точку. Характерно, что этот идеальный объект существует лишь в сознании исследователя, а не в действительности, но он оказывается продуктивным в процессе исследования действительности (правда, в определенной предметной области при определенных условиях).

Видимо, аналогичен процесс образования идеала, определяющего ценности личности и социальной группы. Причем здесь субъективность проявляется в еще большей степени, чем при образовании идеальных объектов, например, в научном исследовании. Образую идеал, человек стремится в нем реализовать свои «заветные» потребности, свои мечты, свои стремления и т.п. Он *желает*, чтобы существующая действительность *улучшилась* в соответствии с его потребностями и т.д. Идеал — это следствие желания человека, социальной группы или какой-то ее части; в этом отношении он субъективен либо на уровне личности, либо на уровне социальной группы (поскольку другие группы могут не признавать данный идеал). А обладает ли идеал каким-то объективным статусом? Обладает лишь в том отношении, что содержится как представление в сознании других людей; по отношению к определенному человеку он существует вне и независимо от его сознания, то есть объективно, но, входя в его сознание, он, несомненно, приобретает субъективный характер, поскольку отличается (хотя бы немного) от идеала в сознании других людей. Идеал идеален, и уже в этом заложена его субъективность.

Можно согласиться с позицией, согласно которой натуралистическое понимание ценностей предполагает следующие трактовки идеала: «1. Идеал рассматривается как результат обобщения и / или абсолютизации в культуре того, что составляет предмет потребностей человека. Схема понимания предзадана золотым правилом нравственности... 2. Идеал трактуется как результат обобщения содержания норм и правил или отвлеченного содержания от конкретных задач действия; соответственно, идеалов столько, сколько норм; в каждом устанавливается общая цель, сообразно с которой формулируется предписание относительно того, чего не следует или что следует делать. По такой логике нет идеала вообще, но есть идеалы, соответствующие разным ценностям (красоты, добра, справедливости и т.д.)... 3. Идеал рассматривается как имманентные социальной или индивидуальной действительности

требование или ценность, раскрывающие перед человеком более обширные перспективы» [3, с. 71].

Как нет идеала вообще, так нет и ценности вообще. И идеал, и ценность всегда привязаны к определенному пространству, времени, личности, социальной группе. Иными словами, они всегда конкретны. Мы можем говорить о понятийной значимости этих терминов, но они всегда конкретно привязаны.

Попробуем проанализировать ценности и идеалы по отношению к современному российскому обществу. Как верно и кратко его охарактеризовал В.Е. Давидович, «Россия начала XXI века — это страна, еще ищущая собственную идентичность, общество транзитивной, не вполне устоявшейся экономики, политических метаний и духовной чересполосицы» [4, с. 58]. Переходный характер происходящего в современном российском обществе делает задачу очень актуальной. Что может и должна внести в осмысление этого процесса социальная философия и философская методология?

Социология, психология и подобные им науки начали бы с проведения опросов, тестов; философский подход предполагает иную «методику». Полагаем, что начать следует с нравственных проблем, которые исследует философия. Именно они напрямую связаны с идеалами и ценностями, именно они допускают обобщения, характерные для философского исследования. И в то же время позволяют не «витать» в предельных абстракциях, а проводить достаточно конкретное исследование. И еще один аспект: мы не собираемся делать какие-то прогнозы относительно будущего российского общества (хотя они просто неизбежны), мы хотим на основе философского, методологического анализа наметить тенденции, которые *могут* реализоваться. Мы не настаиваем на том, что они обязательно реализуются, мы стремимся выявить методологические направления анализа, которые, на наш взгляд, позволяют исследовать процесс формирования идеалов и норм трансформирующегося российского общества.

Исходя из этого, воспользуемся опытом гениального русского философа Вл.С. Соловьева. Разумеется, можно и должно использовать опыт (размышления) более «современных» философов, например М.К. Мамардашвили или кого-то из других живших или живущих в наше время. Но Вл.С. Соловьев оставил классическое исследование, которое, претендуя на универсальность, все же привязано к российской «почве». Его не раз причисляли к мистическим философам, но как раз в главном его труде по рассматриваемым проблемам нет даже намека на мистику. Его фундаментальная работа «Оправдание добра» начинается следующей фразой: «Собственный предмет нравственной философии есть понятие *добра*; выяснить все, что разум, возбуждаемый опытом, мыслит в этом понятии, и тем самым дать определенный ответ на главный для нас вопрос о должном содержании или смысле нашей жизни — такова задача этой философской науки». И далее: «Нет, правда, такой мерзости, которая не признавалась бы где-нибудь и когда-нибудь за добро; но вместе с тем нет, и не бывало такого людского племени, которое не придавало бы своему понятию добра (каково бы оно ни было) значения постоянной и всеобщей нормы и идеала» [5, с. 98]. В примечании он добавляет: «В этих *предварительных* за-

мечаниях, только вводящих в предмет, я намеренно беру идею добра сначала в ее первоначальной слитности, т.е. не в смысле достоинства наших действий, но в смысле предметов, которыми вообще желательно пользоваться или обладать («все свое добро» и т.п.)» [5].

В последнем высказывании обращает на себя внимание то, что практически любая достигнутая людьми «ценность» может быть и, как правило, бывало, своеобразно «опрокидывается» и становится антиценностью, то есть линии положительной и отрицательной ценностей на приведенной схеме, являясь антиподами, в целом симметричны. Это легко показать на множестве примеров. Открытие деления урана и трансурановых элементов, сопровождающегося огромным выбросом энергии, стало исходным для создания атомных электростанций. Это, несомненно, может быть представлено как ценность, достигнутая учеными и инженерами в получении нового источника энергии. Но прежде чем были построены первые атомные электростанции, была создана атомная бомба, которая не может считаться ценным изобретением. Хотя ее создание также можно «ценностно» оправдать как средство защиты страны от возможного врага. Создание мировой коммуникационной системы Интернет — достижение, которое, открыв новые, невиданные ранее возможности коммуникации, является огромной ценностью. Однако появление практически одновременно с ней «вирусных программ», хакеров, большого количества «мусора» в Сети уж никак не может считаться ценностным достижением.

Получается, что практически любая ценность имеет антипод в виде антиценности в зависимости от их функциональной направленности. Нож, например, для человека ценность, которой он может воспользоваться для разделки хлеба, мяса и других продуктов, но может выступать и в функции антиценности, угрожая его здоровью и жизни. «Культура — это та веревка, которую можно бросить утопающему и которой можно удушить соседа. Развитие культуры идет столь же на пользу добра, сколько и на пользу зла. Растет кротость — растет и жестокость; растет альтруизм, но растет и эгоизм... Поэтому борьба между добром и злом не угасает, а обостряется; она и не может кончиться и не может, по-видимому, не кончиться» [6, с. 200]. И в нашем отечестве это вполне очевидно, только вот СМИ отражают, как правило и по преимуществу, негативные стороны нашей жизни.

К чему стремится современное российское общество (как, впрочем, и любое общество)? Ответ несомненен: к добру или к счастью. Но вот добро понимается каждым членом общества по-своему, это касается не только отдельного человека, но и социальных групп, партий и других объединений людей. Во всяком случае, *добро* — это фундаментальная философская категория, универсалия культуры общества. От ее трактовки и интерпретации зависит все остальное. Что такое добро, как его понимали философы и моралисты? Не углубляясь в историко-философские изыскания, несомненно, интересные и поучительные, зафиксируем следующее понимание, связанное с ключевыми терминами этой области. Добро прежде всего ассоциируется с *благом* как *ценностным* представлением, выражающим положительное значение чего-либо по отношению к некоторому стандарту. В философских и этических исследованиях прошлого оно понималось как удовольствие, польза, счастье.

С последними терминами мы входим в еще более неопределенную и «размытую» (в смысле конкретности понятий) область, хотя они представляют собой важные экзистенциальные характеристики бытия человека и непосредственно связаны с ценностями и идеалами. Это область этики, этической науки. Мы полагаем, что самые главные этические категории, понятия, о которых шла речь, и в первую очередь идеалы и ценности, могут быть определены и классифицированы (об этом — далее).

Нравственная жизнь, согласно Вл.С. Соловьеву, включает три основания: *стыд*, *жалость* и *благоговение*. Они исчерпывают область возможных нравственных отношений человека. Все остальные добродетели — видоизменения исходных. Это именно человеческие переживания, животным они чужды или представлены в их психике в зачаточной форме. Это принципиально, по крайней мере, в том отношении, что именно человек наделен сознанием и разумом и может не только размышлять по поводу своих поступков и действий, но и оценивать их, чего в принципе не могут животные. Если добро, к которому стремится всякий человек, означает благо, то следует обратить внимание на понятие «благо». Оно, по мысли Аристотеля, «определяется [в категориях] сути качества и отношения, а между тем [существующее] само по себе (to kath' hayto) то есть сущность (ousia) по природе первичнее отношения, последнее походит на отросток, на вторичное свойство сущности (toу ontos), а значит, общая идея для [всего] этого невозможна» [7, с. 59]. Невозможна идея добра как некая общность, общее понятие (как понятие оно существует), но невозможна как общая сущность, пригодная для всех людей и на все времена.

Аристотель как представитель эвдемонизма полагал, что высшее благо определяется как счастье (эвдемония) — с этого начинается «Никомахова этика». Но это не гедонистический, а «аретологический» эвдемонизм (*арете* — «добродетель», «дельность», функциональная пригодность) [8, с. 175].

Этика имеет дело с «правильной нормой» поведения, которая обусловлена социальными особенностями и не может быть дедуцирована подобно положениям теоретических наук. Это следует подчеркнуть особо — этические категории, с точки зрения Аристотеля, невозможно выстроить в качестве дедуктивной системы. Это вроде бы несомненное утверждение подвергнуто сомнению одним из переводчиков и комментаторов «Никомаховой этики» Ф. Дильрмайером [9]. Но следует вспомнить и русских философов, которые, начиная с Вл.С. Соловьева («Оправдание добра») и, возможно, завершая работами Н.О. Лосского («Абсолютное добро») и С.Л. Франка, стремились реализовать последовательное, систематическое изложение всей этической проблематики. Поэтому Аристотель здесь, видимо, не прав. Если этика действительно наука, то ее возможно изложить систематически и дедуктивно. Аристотель прав, по крайней мере, в одном — в невозможности какой-то «абсолютной этики», этики на все времена (достаточно вспомнить «Этику» Спинозы). Но «конкретная» этика, которая отражает, «привязана», выражает этические нормы, идеалы и ценности определенного народа, нации, религиозной конфессии на определенном этапе исторического развития, — *возможна*, о чем и свидетельствует история философии.

Следовательно, личность и социальные группы формируют свои представления о добре, из которых и образуются ценности определенной культуры. Они разные, их невозможно подвести под общий знаменатель. Как бы ни старались рационалисты-классики, это другая область исследования, далекая от того механицизма, который они стремились реализовать. Разве можно *благо* выразить в четких понятиях? Нет. Как ни упорствовал Вл.С. Соловьев, ему это не удалось.

Обсуждая проблемы, связанные с идеалами и ценностями трансформирующегося российского общества, мы вышли на фундаментальные этические понятия. И это, как представляется, не случайно, поскольку для отечественной философии эта проблематика и понятия были характерны с самого начала. Это направление нуждается в самостоятельном и обстоятельном исследовании. Мы же хотим в данном случае обсудить социально-философские и методологические основы для последующих исследований. Но все же вернуться к прошлым русским мыслителям и философам необходимо.

Н.О. Лосский писал, что «существенное условие идеала / совершенства есть нравственное добро... оно осуществляется не иначе как путем свободных индивидуальных усилий каждой личности» [10, с. 223—224]. Ошибка — искать добро или зло в общественном строе: «Социальный строй безразличен для христианина»; «Однако решение социального вопроса этим путем не получается» [10, с. 224]. Искать следует в специальных знаниях различных наук. Тогда перед нами встает проблема истинности обсуждаемых понятий и проблем, относящихся по большей части к области этики, а также социальной философии. Применительно к этике — это действительно проблема. Русские мыслители и философы использовали и другой термин — *правда* [6, с. 268—274]. И так же существуют ценности и антиценности, существуют две правды, которые несовместимы друг с другом. Любопытно, что этому термину не нашлось места ни в одном отечественном словаре и энциклопедии.

Почему социальный строй безразличен для христианина? Это чисто христианская религиозная позиция, согласно которой любая власть от Бога. Но ведь любой социальный строй стремится и утверждает свои ценности и идеалы; они признаются христианином, но как частично «мнимые», ибо подлинные идеалы и ценности задал сам Бог. Н.О. Лосский полагал, что «идеально совершенный социально-экономический строй должен обеспечить каждому члену общества духовные и материальные условия нормального развития...». Но это все же идеал, ибо таких социально совершенных строев мы не знаем (разве что рай). В работах этого мыслителя явно выражена обеспокоенность по поводу строя, господствовавшего тогда в нашей стране. Актуальны до сих пор его слова по поводу реформ: «В общественной жизни, — писал он, — почти всякая реформа, иногда даже незначительная, всякое смелое предприятие может привести к осложнениям и опасностям, ведущим за собой страдания или гибель людей» [10, с. 198]. У нас это подтверждено реформами 1990-х годов, когда судьбы огромного числа соотечественников были переломаны молохом этих реформ, и продолжение следует. В целом население России не стало жить лучше, хотя и получило многие свободы. Для большинства они вообще-то были не актуальны; реформы были нужны части

«верхушки» общества и интеллигенции. Основная масса населения, пассивная, была брошена в нищету, без всяких перспектив на будущее.

В.Г. Белинский писал когда-то С.П. Боткину: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здоровья китайского императора» [11, с. 213] (то есть гегелевской всеобщности). Грозная опасность не отталкивает человека, а часто манит его к себе. В этом, видимо, проявляется своеобразное отношение к идеалу, к ценностям. Н.О. Лосский объяснил это следующим образом: «Человеческая личность вечна. Нет в мире ценностей, которые были выше индивидуального личного бытия и индивидуальной жизни, но многие ценности стоят выше земного телесного существования. Подвергая опасности свою телесную жизнь ради высокой цели, человек сознает неразрушимость своей личности и в дополнение к метафизической вечности / своего «я» приобретает нередко еще и бессмертие в памяти потомков, как Сократ, христианские мученики, Галилей» [10, с. 199–200]. В работе «Характер русского народа» философ приводит следующие характеристики: «религиозность, способность к высшим формам опыта, чувство и воля, свободолюбие, доброта, мессианиззм...». Эти характеристики не только своеобразно выражают Идеал, но и дают некую иерархию ценностей русского народа. Однако несомненным кажется и то, что ценности со временем изменяются и иерархия ценностей русского народа, проанализированная Н.О. Лосским, отличается от аналогичной системы современных русских.

Подводя итоги, следует сказать не просто об актуальности затронутой проблематики ценностей и идеалов трансформирующегося современного российского общества (что очевидно), но и о возможных перспективах дальнейших исследований. Во-первых, выстраивание и теоретическое обоснование идеалов нового формирующегося российского общества, а также их иерархии. Во-вторых, выявление системы ценностей нового российского общества и опять же установление их иерархии. Это очевидно, самое сложное, поскольку возникает необходимость учета специфики различных социальных групп и их устремлений, их ориентаций на прошлое и будущее. В-третьих, более детальный анализ исследований русских философов-классиков (как, впрочем, и современных) по этим проблемам для более обстоятельного представления идеалов и ценностей современного российского общества. В-четвертых, формулирование конкретных рекомендаций для реализации политики в Российской Федерации. Реализация этих этапов требует усилий не только философов, но и исследователей в области социологии, политологии, экономики, культурологии и других. Иными словами, результаты исследования должны носить комплексный характер.

Библиографический список

1. Шохин В.К. Ценность // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М., 2001. Т. 4.
2. Бранский В.П. О природе философского знания // Философия в поисках и спорах. Петербургские сюжеты / под ред. Б.В. Маркова, Ю.М. Шилкова. СПб., 2007.
3. Апресян Р.Г. Идеал // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М., 2001. Т. 2.
4. Давидович В.Е. Судьба философии // Философия в поисках и спорах. Петербургские сюжеты / под ред. Б.В. Маркова, Ю.М. Шилкова. СПб., 2007.

5. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 1.
6. Флоренский П.А. Сочинения в 4-х т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М., 1994. Т. 1.
7. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М., 1984. Т. 4.
8. Лебедев А.В. Аристотель // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М., 2001. Т. 1.
9. Dirlmeier F. Aristoteles. Nikomachische Ethik. Berlin, 1979.
10. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики: Характер русского народа. М., 1991.
11. Белинский В.Г. Письма / под ред. Е.А. Ляцкого. СПб., 1914. Т. 2.

N.V. Prokazina

**Ethnic Tolerance
in the Regional Youth Environment**

As exemplified by the situation in a mono-national region – the Oryol Region – the main components of ethnic tolerance of youth are characterized. Territorial and gender features of tolerance are revealed. The assumption that the ethnic consciousness of youth is limited to a framework of the ordinary experience fixed in traditions and customs is confirmed. The formation of the tolerant attitude towards representatives of other nationalities in all groups of youth, including representatives of all nationalities is foregrounded.

Key words and word-combinations: youth, ethnic tolerance, region, ethnic relations, the paradigm of multiculturalism.

На примере ситуации в мононациональном регионе – Орловской области – охарактеризованы основные составляющие этнической толерантности молодежи. Выявляются территориальные и гендерные особенности толерантности. Подтверждено предположение о том, что этническое сознание молодежи ограничено рамками обыденного опыта, закрепленного в традициях и обычаях. Актуализируется формирование толерантного отношения к представителям других народностей у всех групп молодежи, включая представителей всех национальностей.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, этническая толерантность, регион, национальные отношения, па-

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Н.В. Проказина

**ЭТНИЧЕСКАЯ
ТОЛЕРАНТНОСТЬ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

В России на государственном уровне отмечается особая актуальность целенаправленной работы по формированию толерантности среди граждан. Эта деятельность ус-тремлена на предупреждение, выявление и пресечение межнациональных конфликтов и экстремистской деятельности [1, с. 31]. Следует выделить достаточно содержательную нормативно-правовую базу для формирования толерантности. В 2001 г. была принята Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001–2005 гг.». С 2002 г. действует Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». В 2009 г. вступила в силу Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.; в 2012 г. – Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.;